

Довнар, Т.И. «Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в.» / Т.И. Довнар // Актуальные проблемы гражданского права. Сборник науч. трудов. Вып.второй. – Минск: “МИТСО”, 2013 – С. 65–99.

ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI В. Т.И.Довнар

В статье рассматриваются причины и основания систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском, приведшие к созданию знаменитых европейских памятников права - Статутов 1529, 1566, 1588 гг.; говорится об их характерных чертах и важнейших положениях, отразивших новые прогрессивные тенденции в праве; подчеркивается, что в этих сводах законов нашла отражение отечественная прогрессивная политико-правовая мысль и богатая правовая культура белорусского народа.

К концу XV ст. в Великом Княжестве Литовском, которое возникло «на территориальной, этнографической и культурной основе белорусской»¹, было накоплено весьма значительное количество нормативных актов, что затрудняло их использование. Изначально правовая система государства формировалась на основе обычного права древних белорусских княжеств (Полоцкага, Витебского, Турово-Пинского, Новогрудского и др.). Постепенно на протяжении XIV–XV в.в. увеличивалось количество писаных законов – различных правовых актов на белорусском и латинском языках, которые в зависимости от содержания, формы и порядка принятия назывались ухвалами, уставами, грамотами, листами, привилеями, универсалами, артикулами и др. В целом развитие права в Великом Княжестве Литовском ученые разделяют на два периода – привилейный, характерной особенностью которого было принятие отдельных нормативных актов в виде общеземских, областных, волостных, городских и иных грамот (привилеев), и статутный, когда в государстве была осуществлена общая систематизация права и последовательно введены в действие Статуты 1529, 1566, 1588 годов².

Законодательство Великого Княжества Литовского начала XVI в., которое представляло собой весьма многочисленные и иногда противоречивые нормативные акты, уже не удовлетворяло растущим потребностям государства, в связи с чем поднимается вопрос о его систематизации. Тем более, что в шляхетской среде начинает вызревать идея реформирования существующих общественных отношений, чему способствовало появление значительного количества мыслителей и просветителей, увеличение образовательного уровня шляхты, развитие книгопечатания и др. Постепенно в государстве создавались идейно-теоретические основания реформирования всех сфер общественной жизни, в том числе и правовой. Неудивительно, что характерной особенностью XVI столетия стало появление выдающихся памятников мировой правовой

мысли – Статутов 1529, 1566, 1588 г.г., которые в последующем привлекали внимание многих ученых, мыслителей, политических деятелей белорусского, русского, украинского, польского и других народов, представителей самых различных поколений, научных школ и взглядов.

Как отмечают ученые, первые “кодификационные тенденции” возникли в самом начале XVI в.³ Великий князь Александр, выдавая в 1501 г. Волынскую грамоту, заявил, что она будет действовать до того времени, пока «права Статута в отчизне нашей установим». Однако вопрос о подготовке Статута оставался без движения до Виленского сейма 1514 г., когда, по словам епископа Перемышльского Петра Томицкого, находившегося тогда в Вильно, «станы» сейма подняли вопрос о том, чтобы государь (господар) издал новый писанный закон. Однако и на этот раз не было принято никаких мер в отношении выполнения просьбы шляхты. Только в 1522 г., когда на сейме в Гродно шляхта вновь обратилась с аналогичной просьбой, великий князь с панами радой «право им прирекли дата и тыи вси члонки, как ся подданный наши мають справовати и родити, казали есмо ... выписати»⁴. Из данного постановления видно, что уже в начале 1522 г. было дано распоряжение начать работу по подготовке проекта Статута. Интересно то, что всего спустя два месяца по окончании работы Гродненского сейма, новый, Виленский сейм в июне 1522 г. постатейно обсуждает предварительную редакцию Статута, о чем очень скупно упоминают некоторые сохранившиеся документы. Это наводит на мысль, что работа по обобщению правового материала, вероятно, велась ранее без официального указания. Кроме того, обсуждение первого проекта Статута на сейме дает основание считать, что в составлении его с самого начала принимали участие не только паны-рада, но и сейм. Об этом пишет М.К.Любавский: «так великий вальный сойм в Литовско-русском государстве начал принимать участие в законодательстве гораздо ранее, чем формальным образом было признано его право на это участие»⁵. После одобрения Виленский сеймом решено было Статут немедленно ввести в действие, о чем совершенно определенно сказано в специальном листе великого князя, изданном 6 декабря 1522 г., то есть за три дня до окончания работы сейма. Однако в дальнейшем, в связи с разногласиями участников сейма относительно положений Статута и необходимостью уточнения ряда статей, в силу вошла только некоторая часть закона, а его обсуждение было продолжено на последующих сеймах. Борьба между отдельными группировками феодалов относительно текста Статута затянулась до 1529 г., когда, наконец, на Виленском сейме 1528-1529 гг. он был принят. 29 сентября 1529 г. специальным указом великого князя Статут был введен в действие.

Источниками Статута послужили не только принятые ранее нормативные акты и судебно-административная практика государства, но и в некоторой степени римское и церковное право, хотя большинство ученых главную роль отводят обычному праву, нормы которого столетиями вырабатывались на землях древних белорусских княжеств. Кроме того, следует отметить, что для принятия нормативного акта такого уровня должны были предварительно созданы существенные основания, в том числе теоретико-правовые, т.к.

прежде чем закон приобретает окончательную форму, он должен первоначально созреть в умах ученых и законодателей.

Подготовкой проекта Статута занималась специальная кодификационная (статутная) комиссия, точный состав которой неизвестен. Однако несомненно, что в первую очередь над проектом первого Статута работали паны-рада, т.е. феодалы, которые входили в состав главного на то время властного и законодательного органа государства – рады. Современные литовские ученые отводят значительную роль в подготовке проекта закона виленскому воеводе и канцлеру государства Альбрехту (Войтеху) Гаштольду, мотивируя тем, что именно в обязанность этого должностного лица входило руководство законопроектной деятельностью. Кроме того, в научной литературе высказано весьма обоснованное предположение, что в подготовке проекта Статута 1529 г. принимал участие Франциск Скорина, который имел к этому времени степень доктора медицины и доктора свободных наук, в том числе и доктора права, а значит - имел самое высокое для того времени юридическое образование. Тем более, что в этот период он являлся личным секретарем и лекарем главного католического епископа, который занимал одно из первых мест в раде. В пользу этого служит и тот факт, что Скорина намеревался издать Статут в своей типографии. Несомненно, хоть и опосредованно (Скорина был горожанином и не мог входить в состав рады), однако он принимал участие в подготовке проекта Статута. Об этом свидетельствуют высказанные Скориной прогрессивные правовые идеи, нашедшие затем отражение в положениях этого закона.

В своих «Предисловиях» и «Послесловиях» к опубликованной в 1517 г. Библии, других книгах Скорина значительное место уделял общественным проблемам, причем в качестве основы его политико-правовых взглядов выступала гуманистически интерпретируемая христианская мораль. Соответственно ей Скорина обращал внимание на необходимость соблюдения требований христианской этики, нравственной ответственности христианина за всего его дела. Высшим принципом, регулирующим общественные отношения (в том числе отношения политические и правовые), объявлялась Скориной любовь человека к человеку. С позиций христианского гуманизма он стремился развить и обосновать принципы естественного права и человеческого общежития в вопросах происхождения государства и права.

Прежде всего, заслуга Скорины в развитии теоретических вопросов, касающихся надлежащего функционирования государства и права. Мыслитель определяет государство как «собрание людское», «посполитое доброе», «отчина своя», т.е. относится к государству как к важному и необходимому политическому институту. Главнейшей целью государства, на его взгляд, является достижение всеобщей пользы и как можно лучшей жизни людей. Политический идеал мыслителя - просвещенная, гуманная и крепкая монархия. Соответственно этому Скорина предъявляет и требования к руководителю государства. По его мнению, монарх должен быть набожным, мудрым, образованным, чутким и справедливым, а главное - он обязан руководить государством в строгом соответствии с законами и следить за справедливым исполнением правосудия. Весьма важным в этом плане стало обоснование

Ф.Скориной необходимости верховенства закона и справедливости во всех сферах общественных отношений, в том числе в важной сфере отправления правосудия. В отношении деятельности судей он писал: «Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся, ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не приимають даров... не справовали суть их, яко цари или властители, вышнии силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи»⁶.

В его теоретических положениях содержится целый комплекс позитивных правовых принципов, основанных на теории естественного права. Если их взять в комплексе, то явственно видно, что там не только присутствует идея правового государства, но имеется и определенное теоретическое обоснование данной идеи. Уделяя особое внимание принципу законности, Скорина считал, что в государстве писанный закон должен быть «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея к себе закритости, не к пожитку единого человека, а к посполитому доброму написанный»⁷. При этом он обращает внимание на то, что закон прежде всего должен пользоваться уважением всех людей и потому основываться на высокоморальных принципах и в первую очередь на человеколюбии и справедливости. Кроме того, закон должен быть точным, определенным, не содержать возможностей его разного толкования. Скорина является по существу первым мыслителем Беларуси, который поднял вопрос о соотношении права и закона, хотя под понятием права у него выступала система раннехристианских нравственных норм, образующих его идеал – «прирожное право». Именно на основе этих норм, по его мнению, должна строиться система норм писаного права, т.е. действующее законодательство.

Теоретико-правовые взгляды Скорины, в том числе в сфере правопонимания, содействовали не только дальнейшему развитию теоретико-правовых воззрений и повышению правовой культуры феодального общества, но имели и практический результат. Ученые высказывают мнение, что предложенная мыслителем классификация права (деление его на посполитое, международное, государственное, уголовное, военное, городское, морское и торговое) была использована при подготовке Статута 1529 года⁸.

Необходимо подчеркнуть, что Статут был написан на белорусском языке «прочно утвердившемся к тому времени в качестве языка великокняжеской канцелярии»⁹. Когда Александр стал великим князем, маршалок Леватор Хрептович от имени народа давал наказ взошедшему на престол князю: «и чтоб не итальянским, которое противное (это слово добавил Стрийковский), и не чешским или немецким обычаем, а только правильным литовским и Витольдовским примером правил и судил»¹⁰. В практических целях текст Статута часто переписывался. Сохранилось несколько его списков, четыре из которых (Слуцкий, Фирлеевский, Замойский, Дзялынський) были написаны на языке оригинала (т.е. древнем белорусском), остальные – на латинском и польском.

Статут 1529 г. состоял из 13 разделов и 244 статей (артикулов). Позже в него включались новые статьи, количество которых увеличилось до 283.

Главное, что отличало Статут от подобных европейских законов, – это его конституционная направленность и собственные основания правовой систематизации. Законодатель не повторял ставшую классической римскую систему права, а разработал собственную, весьма сходную с современной. Так, первые три раздела включали в основном нормы конституционного права, хотя в них содержались и иные нормы, 4 и 5 разделы содержали в основном нормы наследственного и брачно-семейного права, 6 – судебно-процессуального, 7 – уголовного, 8 – земельного, 9 – административного (лесного и охотничьего), 10 – гражданского, 11-13 – уголовного и процессуального права. Естественно, что в этот период отраслевая структура права только зарождалась, однако статьи Статута были расположены в определенном системном порядке относительно степени важности и тех приоритетов, которые имели в виду законодатели. В целом Статут в структурном отношении включал интитуляцию, преамбулу, разделы и статьи, которые следовали от более важных правовых положений к менее важным. Такая схема размещения правового материала, подобная важному правовому акту античности – Афинской Политии, перекликается и с современными систематизированными законами.

Для Статута характерными были не только новая система размещения правового материала, но и высота правовой мысли. Некоторые ученые ошибочно называли его кодексом. Об этом писал, например, В.И.Пичета в статье «Литовский Статут 1529 года и его источники»¹¹. И.А.Юхо подчеркивал, что Статут является сводом законов, т.к. в нем получили юридическое закрепление основы общественного и государственного строя, полномочия органов государственной власти и суда, правовое положение различных категорий населения, вопросы гражданских правоотношений, преступления и наказания и др.¹². Такой же позиции придерживаются и другие белорусские ученые, например, А.Ф.Вишневский, Т.И.Довнар, С.Г.Дробязко. Несомненно, Статут являлся сводом законов Великого Княжества Литовского, т.к. стал вершиной пирамиды предыдущего этапа систематизационной деятельности, когда были приняты Судебник 1468 г. и самые важные общеземские грамоты конца XV - начала XVI в.в. Статут возвысился над своим временем и основным содержанием нормативных актов того времени (регулированием гражданских и уголовных правоотношений), включив в него нормы конституционного права, не только регулирующих, но и гармонизирующих государственно-правовой уклад Великого Княжества Литовского.

Являясь законом феодального государства, Статут 1529 года много внимания уделял нормам, обеспечивающим права феодалов, в том числе в сфере имущественных отношений (собственности, наследования, опеки и др.). Статут определял prerogatives великокняжеской власти (раздел 1), регламентировал вопросы «обороны земской» (раздел 2), закреплял личные и сословные права шляхты (раздел 3), говорил о семейных отношениях, землевладении, в том числе и женском (раздел 4), об опекуном праве (раздел 5). Отдельный шестой раздел был посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы говорили об уголовных преступлениях против личности и собственности шляхты, а также о других видах преступлений и нарушений прав разных особ – «О квалтех земских, о бoех, о годовщинах

шляхетских» (раздел 7), «О права земские, о границах и о межах, о копах» (раздел 8), «О ловы, о пущи, о бортное дерево, о озера, о бобровые гоны, о хмелища, о соколы гнезда» (раздел 9). Специальный раздел был посвящен так называемому «заставному» праву – «О имениях, которые о в долзех и о заставы» (раздел 10). В последующих главах Статута были определены «Головщины людей путных и мужицкие и паробоцкие» – денежные штрафы за преступления, совершенные землевладельцами против личности людей простого звания (раздел 11), вопросы «О грабежи и о навязки», т.е. о штрафных санкциях за разного рода преступления имущественного характера (раздел 12). Последний раздел «О злодействе всякого стану» был посвящен уголовным преступлениям. Однако не всегда система размещения правового материала в Статуте строго выдержана, т.к. впервые создавался закон такого высокого уровня.

Стремясь к установлению справедливого государства, законодатель регламентирует, насколько считает необходимым, функционирование органов государственной власти. Статут 1529 г. внес значительный вклад в законодательное оформление функции и прерогативы различных государственных органов и прежде всего – высших. Он удостоверяет, что во главе государства стоит великий князь (господар). Несмотря на то, что его власть к моменту появления Статута была значительным образом ограничена панами-радой, во введении он выступает как единодержавный, «божьей милостью» монарх, дарующий права своим подданным. В Преамбуле Статута говорится о титулах князя и правах поданных: «Мы, Жикгимонт, з ласки божи король польский и великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий и иных, маючи себе достаточное розмышлене умыслом добрым и з ласки наше господарское хотячи обдаровати правы хрестьянскими, всим прелатом, княжatom, паном хоруговным, велможам, рыцерем повышным, шляхте и всему посполству и их подданным а тубылцом земель Великого князьства нашего Литовского, которого бы колвек стахла а стану были, вси их права и привилы костелные, так латынского закону, яко и греческого, тэж и светцкие, которые от памяти королей и великих князей и от неколи отца нашего Казимера и брата нашего Александра, предков наших, за живота их, на которые бы колве добра и волности мети мають под которою-колве датою латынскою або рускою даны волности и в себе замыкаючи справедливо слушные, справные вышли, даны, взычоны, которые хочем так мети моцне, якобы в тые листы наши слово от слова были выписаны...»¹³. Великий князь не только дарует эти права всем подданным государства, не взирая на принадлежность к той или иной религии и сословию, но и постановляет, что отныне все жители государства должны руководствоваться только ними и судиться в соответствии со статутными нормами: «Всих у Великом князьстве Литовском одним правом сужоно быти маеть» (ст.9, р.1).

Следует отметить, что, несмотря на тенденцию замалчивания договорных (унийных) отношений с Польшей, которая красной нитью проходит в Статуте, титул короля польского везде пишется первым. Трудно сказать, подчеркивается ли этим личная уния Великого Княжества Литовского с Польшей или титулу короля придается первенствующее значение лишь из

соображений этикета. Как монарх Великого Княжества Литовского, великий князь в Статуте везде выступает под именем государя (гаспадара). Это положение формально сохраняется даже в Статуте 1588 г. В большинстве статей Статута 1529 г., начиная с самой первой, великий князь формально выступает как единодержавный (чаще всего в первом лице множественного числа) законодатель, единолично «даруя» своим подданным права (законы) и привилегии. Власть государя изображается как ничем не ограниченная и подкрепляется соответствующими формулами: «господар шлюбует», «установуем», «обещуем», «хочем и вставляем», «хочем и теж приказуем» и т.д. Однако, исходя из содержания всего закона, видно, что права великого князя регламентируются только в рамках статуса высшего должностного лица государства. Например, как и прежде, за ним закрепляется положение верховного судьи. Хотя разбирать все судебные дела (даже вместе с панамирадой) великий князь просто физически был не в состоянии, однако они, в том числе и рассматриваемые радой или отдельными должностными лицами (врядниками), решаются от его имени и формально все судебные решения считаются великокняжеским (или, в крайнем случае, решенным от имени рады). Из анализа ряда статей Статута вытекает также право великого князя выступать при окончательном решении любых дел в качестве высшей апелляционной инстанции. Решения великокняжеского (господарского) суда было окончательным и, как свидетельствует статья 23 первого раздела, даже простое несогласие с ним рассматривалось как преступление.

За великим князем, согласно статьям Статута, сохранялось право на различного рода пожалования, как имущественные, так и должностные (последние чаще всего с согласия рады), о чем косвенно сказано в статье 25 первого раздела. Подтверждалось право великого князя жаловать земли, города, держания и вотчины, а также «вряды» и различного рода почетные титулы (ст.3, р.3). В этом контексте весьма важной является статья 4 третьего раздела, в которой от имени великого князя гарантируется сохранение всех прежних прав и привилегий за основными «врядами» и должностными лицами, начиная от «канцлерства», должности воевод Виленского и Троцкого воеводств, и заканчивая вообще всеми «врядами».

Из вышесказанного следует, что, несмотря на ряд статей, ограничивающих права великого князя, он все-таки обладал значительной властью в государстве, которая не только была юридически закреплена Статутом, но и основывалась на поддержке всего класса феодалов. Великокняжеская власть имела под собою прочную экономическую основу – огромные земельные владения и другие богатства великого князя. Так, немаловажную статью дохода великого князя составляли многочисленные штрафы, заклады и судебные пошлины. Они, наряду с выморочными имуществами, «спадковыми» и конфискованными имениями, постоянно пополняли великокняжеское состояние, которое в значительной мере составляло основу его сравнительно сильной политической власти. Однако великий князь вынужден был разделять эту власть с панамирадой. В 1492 г. привилей Александра признал за радой главные права не только в области исполнительной, но и законодательной власти. В нем регламентировалось, что

при возникновении разногласий между великим князем и радой, преимущество принадлежит раде. Привилей 1506 г. еще более определенно формулировал прерогативы рады в законодательстве. К началу XVI в. рада вообще осуществляла значительную часть тех же полномочий, что и великий князь, особенно в период его пребывания в Польше в качестве короля.

Ко времени появления Статута 1529 г. рада состояла из двух частей: духовной и светской, в количестве примерно 35-50 человек, причем каждый член рады занимал строго предназначенное для него место в 1-й, 2-й и так далее в «лавицах» рады. Членство в раде, как правило, было связано с исполнением какой-либо высокой государственной должности, которая давалась великим князем «з ласки господарской», однако с «призволением» той же рады. Доступ в раду был ограничен определенным, сравнительно узким кругом родовитых феодалов. Подавляющее большинство членов рады происходило примерно из 50-ти княжеских и феодальных семей (Радзивилы, Ильиничи, Кишки, Воловичи, князья Гольшанские, Острожские, Слуцкие и др.). Бывшие удельные князья принимали участие в раде «по личному праву». В ряде случаев происходило возвышение некоторых незнатных «врядников».

В Статуте 1529 г. функции рады были не только закреплены, но и значительно расширены, прежде всего в области законодательства. Имеются специальные статьи (с. 6, р.3; ст. 25, р.6 и др.), в которых прямо подтверждены прерогативы рады в области законодательства. Наиболее четко оно сформулировано в статье, повторяющей почти дословно положения привилеев 1492 г. и 1506 г.: «Тэж о захованье старых привилеев земских и звычаев, которые у тых привилейх описаны, потвержоны и вхвалены, або новых деланью, множенью, што бы ся мело причинити к нашему и речи посполитое пожитку, только старым размышленьем и тэж з ведомостью а с порадою, и с призвалением рад наших и Великого князьства Литовского радити и справляти будем» (ст.6, р.3).

Статья 25 шестого раздела подтверждала за радой право, наравне с великим князем, принимать и утверждать новые законы и необходимые дополнения к самому Статуту. В разделе «О обороне земской» также говорится, что законы принимаются великим князем «с призволеньем рад». О том, что постановления («выроки» и др.) принимаются великим князем вместе с панами-радой явствует также и из статьи 23 первого раздела. Хотя в большинстве статей заявления делаются от имени великого князя, однако в статье 17 первого раздела эта форма нарушается в пользу рады: «уоставуем тэж и допуцаем с порадаю рад наших ...». И вряд ли это случайное явление, ибо такое положение вытекает и из текста многих других статей. Так, рада закрепила за собой и право активного участия в вопросе раздачи различного рода привилегий и пожалований, о чем определенно говорится в статье 25 первого раздела: «А привилеев на вечную речь не маем инде никому давати, олиж кгда будем весполог с паны радами нашими на вальном сойме». Именно в этой статье впервые говорится о существовании такого важного органа как сейм государства.

Статут 1529 г. оформил прерогативы рады и в области судебной власти, причем рада осуществляет суд как вместе с великим князем, так и без него. Во

введении к шестому разделу за радой закрепляется право участвовать в высшем апелляционном суде, а в случае отсутствия великого князя – суд она вершит сама. Такое же примерно право рады, хотя и несколько уже, оговорено и в статьях 5, 18, 20 шестого раздела, статье 6 четвертого раздела, где речь идет о разборе жалоб на «врядников». Таким образом, во многих статьях Статута были не только закреплены, но значительно расширены функции и задачи рады во всех сферах государственной деятельности.

Учитывая, что сейм появился значительно позже рады (в период принятия Статута 1529 года он исчислял свою историю несколькими десятилетиями), постепенно оформляется его функция как представительного органа сословия шляхты. Первый Статут еще не смог подробно регламентировать его статус, хотя законодатель и стремится к этому. Только в нескольких статьях закона глухо говорится о его деятельности. Так, в статье 25 шестого раздела указывается, что новые статьи в дополнение к Статуту должны объявляться и, конечно, обсуждаться на сейме. Еще определеннее об этом говорится во введении к шестому разделу: «... на вальном сойме тот члонок иный, чого потреба вкажетъ, маеть уписано бытии». Из этих, хотя и очень скупых формулировок, можно заключить, что принятие новых законов должно производиться в соответствии с нормами Статута на сейме. Функции сейма в области судебной деятельности также нашли отражение в ряде статей. Как и в области законодательства, здесь также в качестве высших судебных инстанций выступают великий князь и рада, однако отправляющие правосудие на сейме: «А естли бы ся видело подле всказанья которой стороне кривда, а бачили бы сторона, иж ей не подле права писаного сказывано, тогды маеть листа просити в судей сказанья своего, которым обычаем всказали на нем. А судьи повинни будуть ему лист дати под печатью своей, а он маеть з оными судьями перед нами або перед панами радами нашими на первом сойме говорити и лист тых судей вказати» (ст.1, р.6). Подобные же положения встречаются в статье пятой данного раздела и во введении к шестому разделу. Следовательно, и в этой области функции сейма ясно не определены. Сейм является лишь тем местом, где совершается суд, но вершат его великий князь и рада. В целом прерогативы и функции сейма в Статуте 1529 г. еще четко не определены, в связи с чем некоторые ученые отмечают, что в Статуте лишь глухо упоминается о сейме.

Первый Статут был типичным памятником феодального права, который прежде всего обеспечивал правовую охрану прав и привилегий сословия шляхты и особенно верхушки класса феодалов, ограничивая права свободных простых людей и закрепляя бесправие людей зависимых и челяди невольной. Во многих его статьях речь идет об охране земельной собственности и имущества феодалов и прежде всего родовых имений. В нем говорится: «По смерти отцов дети, сынове и девки, добра отчизного и дедизного не мають быти отдалены» (ст.9, р.3). Особой заботой законодателя было ограждение земельной собственности от претензий иностранцев. Статья 3 третьего раздела озаглавлена: «Держаней и честей чужоземцом не мають даваны быти».

Статут 1529 г. юридически определил и воинские повинности класса феодалов, которые первоначально регламентировалось обычным правом, а затем отдельными нормативными актами (грамотой Ягайлы 1387 г., законом

1528 г., Уставой 1529 г. и др.). Четырнадцать статей второго раздела Статута не только зафиксировали основное содержание прежних документов, но и значительно их дополнили. Этот раздел на долгие годы явился «основным законом» государства в области воинской повинности и построения земского ополчения. Уже во введении к разделу подтверждается главная обязанность всех землевладельцев – «войну служити и выправляти на службу военную, колько бы коли надобе было подле уфалы земское, яко на тот час потреба будеть вказывати, то ест з людей как отчизных, так похожих, и з имения как отчизного, как выслужоного, так купленого...». Интересно отметить, что после перечисления всех категорий представителей господствующего класса специально оговаривалось: «... и всякий иной человек, лета зупольные маючи и земское именье маючи». Таким образом, воинская обязанность касается всех и главным критерием для несения воинской службы является владение имением. В Статуте впервые ясно определен и порядок отбывания воинской повинности духовными феодалами: «з имения закупного» они обязаны лично сами являться на службу, «з имения дедизного» снаряжать определенное количество воинов, «... а их самих парсуны будуть на ласце нашей господарской» (ст.2, р.2). Следовательно, шляхта добилась того, что все землевладельцы почти со всех имений (исключение составляли только заложенные великокняжеские имения) обязаны были отбывать воинскую повинность. При этом Статут детально оговаривал сам порядок прохождения воинской службы, о чем говорят названия ряда статей: «Кождый не маеть без ведома гетманского з войны проч отъехати» (ст.10), «Кого пошлють в заставу, або был там на рок, а он на рок положоный там не будеть» (ст.12) и др.

С принятием первого свода законов произошло окончательное оформление статуса шляхты – т.н. шляхетских вольностей, о чем говорилось в третьем разделе Статута, озаглавленном «О слободах шляхты и о размножении Великого князьства». Наиболее важными статьями, гарантирующими сословные привилегии землевладельческого класса является 7 и 10 статьи третьего раздела. Так, в седьмой статье от имени великого князя сказано: «Шлюбуем своею парсуною господарскою, иж всю шляхту княжата и паны хоруговные, и вси бояре посполитые, и мещане, и их людей заховати при слободах и вольностях, от предков наших и тэж от нас данных им». Видимо, не случайно в данной статье единственный раз, вопреки принятому строгому порядку перечисления различных категорий феодалов, великий князь начинает со шляхты, как бы подчеркивая ее высокое положение. Восьмая статья, озаглавленная «Волно всим з земли господарское для навчения вчинков рыцэрских до всяким земель, кром земель неприятельских.....» дает право всем феодалам (княжатам, панам хоруговным, шляхте и боярам) свободно выезжать для обучения рыцарскому искусству в чужие страны, однако кроме неприятельских государств и с оговоркой, что с оставляемого имения будет исполняться воинская повинность.

В период, когда завершался процесс консолидации класса землевладельцев в единое шляхетское сословие и рядовая шляхта все активнее начинает участвовать в общественно-политической жизни государства, актуальным становился вопрос о недоступности вхождения в

привилегированное сословие выходцам из других сословий. В связи с этим законодательно закрепляется правило: "Простых людей над шляхту господар не маеть повышати" (ст.10, р.3). Кроме того, в период подготовки Статута вплотную встал вопрос о порядке установления принадлежности к шляхетству того или иного лица, когда в этом возникали сомнения. Этот вопрос на принципиально новой основе был решен еще до принятия Статута в 1522 г. на Виленском сейме изданием специального постановления «...о выводе шляхецтва...». Это постановление, в котором указывались два способа подтверждения шляхетства (свидетельство двух шляхтичей, или даже одного под присягой, или наличие соответствующего документа, где бы указывалась принадлежность лица к шляхетству), с некоторыми изменениями легло в основу статьи 11 третьего раздела «О звод шляхетства». Так, в статье Статута опущена вторая часть постановления, касающегося наличия соответствующего документа (листа). Это видимо само собой разумелось, так как в этот период письменным документам придавалось исключительное значение. Кроме того, в статье подробно описан порядок доказательства шляхетства для иностранцев. В связи с оформлением статуса шляхты закон особое внимание обращает на защиту шляхетской чести. Так, обвинение шляхтича в том, что он незаконнорожденный («Хто бы кому приганил а назвал его, иж не ест чистого ложа»), должно было рассматриваться судом (ст.12,р.3).

Несмотря на охрану прежде всего прав шляхты, Статут, являясь прогрессивным для своего времени законом, от лица великого князя объявлял: «... иж вси подданные наши, так вбогие яко и богатые, которого раду колве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны бытии» (ст.9, р.1). Заявление статьи относительно «вбогих яко и богатых», судя по содержанию Статута в целом, касается в основном господствующего класса, в рядах которого находились и пань-магнаты с их несметными богатствами и обширнейшими владениями, и «убогая шляхта». Однако эти положения могли трактоваться и в отношении иных сословий.

Важным положением Статута было предписание судьям и другим должностным лицам судить на основании "писаных прав". Однако во введении к шестому разделу имелась оговорка: на тот случай, если окажется, что судебное дело нельзя решить на основании статутных норм, судьям предоставлялось право решать дело «водлуг старого обычая», но на следующем сейме такой прецедент должен быть вписан в Статут в качестве дополнительной статьи. Данное положение в несколько иной формулировке повторено и в иных статьях (ст.ст.5,25, р.6). Таким образом, нормами Статута была закреплена весьма определенная и достаточно прогрессивная для своего времени процедура внесения изменений в закон.

О прогрессивных тенденциях в праве свидетельствует и закрепленное в преамбуле и ряде статей Статута право подсудимого обжаловать государю и панам-рады судебное решение любой инстанции, особенно, если ему казалось, что дело решалось не на основании статутного закона. Однако во всех случаях он должен был дожидаться окончательного решения суда, даже в случаях, «... естли ж бы хто мел листы наши таковые, абы его никто не судил, кром нас, господара, тогды таковой не мает ся перед правом тыми листы нашими

закрывать и до нас отзывати, але маеть перед панами радами нашими право достояти на том земском року...» (ст.5, р.6). Предусматривались определенные санкции и для лиц, не явившихся в судебное заседание. Эти положения, по мнению законодателя, должны были пресечь излишнюю волокиту, а также стремление некоторых тяжущихся не являться в суд или уехать до завершения дела. Ускорению судопроизводства в какой-то мере служила и статья 10 первого раздела, в которой выдача «заповедных листов...ку отволочению права» ограничивается лишь тремя случаями: пленом, исполнением государственной службы и болезнью. Такие листы, конечно, чаще всего могли получить у великого князя крупные магнаты и, пользуясь ими, они часто не являлись на суд, что порождало чрезвычайную волокиту, осложняло и без того слабое судопроизводство. В связи с этим в статье говорилось, что таких листов государь и его потомки больше выдавать не будут, а в случае, если кто будет иметь такой лист, судебные и государственные инстанции не должны обращать на него внимание.

Одновременно Статут повышал ответственность за невыполнение судебных решений. В условиях произвола крупных феодалов великокняжеская власть прибегала к таким мерам пресечения преступлений, как достигавшие иногда огромных сумм великокняжеские «заруки» (заклады). Последние оформлялись специальными «заручными листами» - санкционированным великим князем обязательством двух лиц не посягать друг на друга. Неисполнение обязательства, кроме общего уголовного наказания за преступление, влекло за собой уплату денежного взыскания за непослушание государю¹⁴. Дополняя предыдущую судебную практику, указывалось, что такие листы в отсутствие великого князя могут выдавать и паны-рада (ст.12, р.1). Институт «заруки» свидетельствовал, что законодатели (великий князь, паны-рада и члены вального сейма), обсуждавшие и одобрявшие статьи Статута, оставили указанный прецедент судебной практике, не очень надеясь на эффективность решений судов, тем более, что это было неплохим источником финансовых поступлений в великокняжескую казну. В целом же данный институт содействовал охране прав личности.

Статут 1529 г. заботился об уважении к судебной власти. В статьях 17, 18 шестого раздела предусматривались строгие меры наказания за нарушение порядка в зале суда – хулиганство, совершение различного рода насильственных действий, причем как со стороны тяжущихся сторон, так и судей. Даже в случае обнажения меча во время судебного заседания предусматривалось отсечение руки, в случае же ранения – смертная казнь.

Статут сыграл важную роль в упорядочении феодального судоустройства и судопроизводства, оговаривая последствия за неявку истца на суд, или безосновательного вызова в суд (ст.ст.12,13,15, р.6; ст. 20, р.8), упорядочивая вопросы составления и вручения «позвов» – судебных повесток (ст. 14, р.6), регламентируя порядок представления в суд свидетелей (ст. 23, р.6; ст.ст.15,16, р.8) и другие процессуальные вопросы. Он подтверждал установленные предыдущими законами принципы судебной и индивидуальной ответственности человека за совершение преступления. Закон говорил: «за проступок яко право найдеть маеть быти каран», «не маеть никто ни за кого

терпети, але кождый сам за себе» (ст.7, р.1). Получило дальнейшее теоретическое развитие в Статуте понятие преступление как противоправного деяния, которое было уже известно привилею Витовта, данного "всей жидове" в 1388 г., то есть наиболее раннему из законов Великого Княжества Литовского.

В целом положения Статута свидетельствуют о прогрессивных тенденциях в праве Великого Княжества Литовского. Принятие его определило границу между партикулярным средневековым правом и новым систематизированным законодательством. С этого времени судьи выносят решения уже не в соответствии с обычным правом, а «водлуг обычая права и Статута земского», «яко в статуте господарском описуеть», а в сложных случаях обращаются к князю «за наукой»¹⁵.

Введение в действие Статута 1529 г. активизировало политическую жизнь сословия шляхты, которая на сеймах начинает поднимать всё более актуальные вопросы государственной жизни, требует при этом большего внимания к своим правам. Этот период характеризуется для Великого Княжества Литовского не только активизацией общественного движения, но и противоборством различных религиозных течений (в первую очередь - католицизма и православия). Значительную роль в этом сыграло реформационное движение, развернувшееся в Беларуси и Литве с середины XVI в. Среди политической элиты особенно была распространена кальвинистская идеология, которая готовила тот мыслительный материал, на почве которого позже сложилось классическое политико-юридическое мировоззрение буржуазии. В контексте Реформации активно развивалось просветительство, которое содействовало широкому распространению идей свободы, справедливости, гуманизма и веротерпимости, а также более прогрессивных взглядов на государство, право, личность¹⁶. На волне Реформации усиливается интерес к праву и юридической деятельности, чему способствовало печатание в типографиях западноевропейской литературы. Повышение интереса к праву сказалось и на издании специальной юридической литературы. По сведениям А. Аннушкина, в XVI в. в типографиях Великого Княжества Литовского было издано уже 16 юридических книг¹⁷. В связи с началом судебной реформы возникла потребность в юридическом образовании и профессиональных юридических кадрах. Постепенно все большее количество литвинов получают образование в западноевропейских университетах, в кальвинистских и арианских школах, появившихся на территории Беларуси (Слуцком кальвинистском училище, арианских школах в Ивье, Клецке, Койданове, Любче, Лоске, Несвиже, Новогрудке и др.).

Повышению уровня правосознания содействовала и активизация во второй половине XVI в. политической жизни государства. В первую очередь это касалось деятельности органов т.н. «шляхетской демократии» – сейма и поветовых сеймиков, а также органов городского самоуправления в городах с магдебургским правом. Шляхта на сеймах и сеймиках все чаще начинает обсуждать вопросы разграничения сфер светской и духовной власти и юрисдикции. Все более публично обсуждаются законопроекты.

В связи с социально-политической активностью, а также новыми экономическими явлениями (образование внутреннего рынка, развитие

международной торговли и т.д.), усиливается общественное внимание к проблемам усовершенствования государственной жизни. Вопросы реформирования государства постоянно находились в поле зрения не только государственных деятелей, но и мыслителей, которые всё более целенаправленно начинают высказывать и обосновывать идеи справедливости и верховенства закона, отделения судебной власти от исполнительной и др. Именно поэтому, как отмечают ученые, сам процесс централизации Великого Княжества Литовского и реформирования его политико-правовых институтов шел не через насилие (как, например, в Московском государстве), а посредством постепенной подготовки и проведения необходимых реформ, в том числе административно-территориальной, законодательной, судебной.

Во второй половине XVI ст. создаются необходимые предпосылки для реформирования общественных отношений, в том числе и теоретико-правовые. В произведениях белорусских мыслителей все большее распространение получают идеи свободы как важнейшего свойства человеческой природы и равенства перед законом как существенного элемента свободы личности, а также начинает обосновываться идея, что закон только тогда способен гарантировать свободу, когда он направлен на защиту интересов всех людей - граждан государства. В этот период Андрей Волян и Сымон Будный обосновывают идею частной собственности (даже в отношении горожан и крестьян) как необходимого условия свободы личности. Приверженец идеологии кальвинизма А.Волян, вообще выступал против законодательной регламентации сословного неравенства. Пожалуй, он был одним из первых ученых, который стал рассматривать сословия как равноправных социальных партнеров, каждый из которых вносит посильный вклад в общее дело экономического и политического развития государства. Из необходимости всемерной защиты свободы человека Волян выводил естественную функцию права, которая заключалась в подавлении низменных инстинктов людей и справедливом регулировании их отношений. Он считал, что созданное разумом человека право должно стоять на защите общей справедливости и соответствовать трем принципам – быть справедливым, выступать гарантом свободы и равенства, быть разумным. С последнего тезиса вытекала необходимость постоянного совершенствования законодательства.

Сформулированные в контексте естественно-правовой доктрины важнейшие принципы естественного права Волян широко использовал как аргументы для критики феодальных социально-политических институтов и сословно-классовых отношений. Одновременно он стремился сформулировать новые социально-политические и правовые ценности, делал практические предложения по усовершенствованию государственной жизни в том числе касающихся развития правовой науки и законодательной политики, рационализации юридических учреждений, оценки моральных качеств будущих должностных лиц, судей и др. Правосудие он считал «хранителем общественного покоя», а важнейшей обязанностью судьи - справедливое и разумное применение закона. Волян подчеркивал, что судья должен быть честным и мудрым человеком («большой мудростью наделен, чтобы за ошибкой и глупостью своей большого вреда и беды гражданам не принес»), а

также мужественным человеком, «что б ни к просьбам, ни к милосердию не склонялся, что б угрозы могущественных не боялся»¹⁸.

Многие мыслители того времени затрагивали проблемные вопросы совершенствования государственной жизни, создавая тем самым теоретические основания совершенствования законодательства. Эти идеи находили затем отзвук в новых законах Великого Княжества Литовского, тем более что некоторые мыслители участвовали в работе сеймов, входили в состав законодательных комиссий, т.е. принимали самое непосредственное участие в подготовке законопроектов. Из известных членов законодательных комиссий многие являлись приверженцами кальвинизма. Так, Павел Островицкий, активно пропагандировавший идеи реформирования общественных отношений, укрепления государственности и сохранения суверенитета Великого Княжества Литовского, был членом комиссии по подготовке Статута 1566 г., лютеранин Агрипа Вацлав – писарь, каштелян минский и смоленский, который писал полемические трактаты о свободе и справедливости, принимал активное участие в создании Статута 1588 г. и т.д.

Новые социально-политические и экономические явления в жизни государства потребовали изменений в праве. В среде шляхты возникает инициатива «поправы» Статута 1529 года, в связи с чем создается новая статутная комиссия. В ноябре 1551 г. великий князь Жигимонт-Август, отвечая на просьбы депутатов сейма, решил, с согласия панов рады, создать комиссию из 10 человек (5 католиков и 5 православных) для пересмотра и усовершенствования статутного законодательства. Перед ними ставилась задача «сесь Статут добра обачити и разважити и выразумети то, чого бы потреба была прибавит, альбо убавиги, альбо отменити».

В подготовке проекта нового Статута участвовали не только паны-рада, но и многие иные известные и мало известные лица. Важным являлось то, что к разработке законодательных проектов в этот период активно привлекаются ученые-юристы. Это вызывалось главным образом необходимостью использовать знания ученых в области римского права. Некоторые исследователи отрицают рецепцию в Статутах системы и институтов римского права, но это не исключает существовавшей потребности в нем как наиболее совершенном источнике теоретического знания. Факты говорят о наличии в общественных кругах Великого Княжества Литовского интереса к нему, хотя и в меньшей степени, чем в странах Западной Европы. Римское право в этот период цитируется в юридической и политической литературе (П. Роизий, А. Олизаровский, Т. Тишкевич-Скуминович и др.), используется в преподавании (Святоянская юридическая школа, Виленская академия).

В первой половине XVI в. проживали в Вильно и занимали государственные и церковные должности такие доктора права как пан Станислав – «кустош» виленский, Вацлав Чирка из Волковыска – виленский каноник, чьи познания, вполне возможно, могли быть использованы в процессе законотворчества. Ученые предполагают, что непосредственное участие в статутной комиссии принимали два «доктора прав чужеземских»: Петр Роизий – королевский секретарь, "гишпан з Арагона", возглавивший затем Святоянскую школу гражданского права, в которой читал курсы римского,

саксонского и магдебургского права, а также Августин Ратондус Мелецкий – виленский войт, знаток римского права. Работой комиссии руководил известный государственный деятель, канцлер Великого Княжества Литовского, воевода виленский, маршалок земский, староста берестейский и ковенский Николай Янович Радзивил Чёрный. Он занимался подготовкой и других правовых актов, таких, например, как "Устава на валюки" 1557 г., согласно которой вводилась новая система налогового обложения, в основу которой был положен участок земли в одну волоку (более 21 гектара). Он же участвовал в проведении административно-территориальной реформы 1564-1565 гг., а также судебной реформы, которая активно проводилась во второй половине XVI в. Благодаря его стараниям, в Беларуси расширилось книгопечатание, были созданы типографии в Несвиже и Бресте.

Второй важной особой в комиссии по подготовке проекта Статута 1566 г. был маршалок дворный, писарь (затем подканцлер), староста могилевский Астафий Валович. Это был высокообразованный государственный деятель, который активно пропагандировал идеи свободы вероисповедания и защиты государственного суверенитета Великого Княжества Литовского, что и нашло отражение и в Статуте 1566 г. Проект Статута систематически, начиная с 1561 г., обсуждался на сеймах, что свидетельствует об активном участии шляхты в его подготовке. В 1564 г. Статут был утвержден Бельским сеймом и должен был введен в действие с ноября 1564 г. Однако снова начались дискуссии и поэтому было объявлено, что только часть его статей вводится в действие с 26 января 1566 г. После окончательной доработки Статут был введен в действие постановлением Виленского сейма от 1 марта 1566 г.

Статут 1566 г. был принят с приложениями к нему трех привилеев – Виленского 1563 г., Бельского 1564 г. и Виленского 1566 г., а также с сеймовым постановлением 1566 г. об изменении статей Статута. Привилей 1563 г. имел задачу не допустить междоусобной войны между разными конфессиями христианства. Особенно в этом были заинтересованы кальвинисты и их лидеры – Николай Янович Радзивил Чёрный, Николай Юрьевич Радзивил Рудый, Астафий Валович. В связи с Реформацией этим привилеем снова подтверждалась отмена дискриминационных норм Городельского привилея 1413 г., закрепленных предыдущими законами (Гродненским привилеем 1434 г., привилеем Казимира 1447 г. и др.). Объявлялось, что все христиане, не только католики, но православные и протестанты, могли пользоваться привилегиями шляхты. В привилее подчеркивалось: «Иж от того часу, только тые панове шляхта и бояре або потомкове их всих земель наших того панства всего нашего дарованья привилеев и наданье всех вольностей и справ земских уживати и с ним се веселити мають, которые суть подданны Римскому костелу и которых теж продкове клейносты и гербы в Коруне Польской пріймовали; але теж и вси иные стану рыцарского и шляхетского, як Литовского так и Русского народу одно бы были веры Хрестіянское, и теж которые продкове клейнотов або ли гербов с Коруны Польской не брали, однако и заровно того всего вечными часы уживати и тых вольностей веселитись, яко перед тым здавно и до того часу тых всих вольностей стану рыцарского и шляхецкого обоого народу як Литовского так и Русского уживали и с того се веселили»¹⁹.

Привилей 1564 г. имел важное конституционное значение, т.к. вводил в жизнь новый правовой принцип – отделение судебной власти от исполнительной. В Великом Княжестве Литовском создавались земские суды – специальные выборные шляхетские суды. Соответственно этому закону воеводы, старосты и другие должностные лица лишались (хотя в тексте говорилось об их добровольном отказе) права вершить суд над шляхтой: «абы стародавний обычай владности суду воевод и иных врядов старых уступил судом, новым порядком в сем часе учиненых постановеных и в Статуте описанных»²⁰.

Виленским привилеем 1565 г. юридически оформлялось появление местного представительного органа шляхты – поветового сеймика. Великий князь этим привилеем постановил, чтобы для решения вопросов избрания послов на вальные сеймы «и иным потребам земским належачих» собирався «сойм малы ку бранью всех обывателей в каждом повете мевати»²¹. В сеймике имели право участвовать все феодалы, имеющие недвижимость в данном повете. Этот привилей, совпадающий со статьей 5 раздела 3 Статута 1566 г., свидетельствовал о реформировании местных органов власти и расширении прав поветовых органов в решении местных дел, а также об участии их в обсуждении и решении общегосударственных дел на общих сеймах Великого Княжества Литовского. Примечательно, что даже в органы местного управления закон требовал избирать лиц «в праве умеетных, писати умеющих».

Работа по совершенствованию Статута продолжалась и после введения его в действие. Так, 1 июля 1566 г. на Берестейском сейме были внесены изменения в первую статью седьмого раздела, предусматривающие полную свободу распоряжения всеми землевладельцами своими имениями.

В структурных отношениях Статут 1566 г. в основном придерживался предыдущего Статута, однако насчитывал уже 14 разделов и 367 статей (артикулов). Значительные изменения, сравнительно со Статутом 1529 г., были внесены в систему размещения правовых норм. Так, нормы наследственного права были выделены в отдельный раздел, а бывший шестой раздел о судах и судопроизводстве стал четвертым. Перенесением раздела о судах на одно из первых мест подчеркивалась важность судебной системы. Кроме того раздел отражал процесс выделения судебных органов в самостоятельную судебную власть.

В Статуте 1566 г. отражается вся глубина, разнообразие и противоречия социально-политической и экономической жизни феодального общества. Он содержал нормы всех отраслей права и повторял (как правило, на более высоком теоретическом уровне) положения о единстве права на всей территории государства, государственном суверенитете, приоритете писаного права и др. Важнейшие изменения закона касались прежде всего конституционного и гражданского права, а также вопросов судостроительства и судопроизводства. От имени великого князя запрещалось пользование обычным правом. Закон требовал с этого времени руководствоваться только статутными нормами. Позже, во время принятия Статута 1588 г. законодатель осознал, что несколько поспешил с этим требованием и поэтому отменил его.

В нормах Статута 1566 г. нашло отражение существенное развитие конституционного права. Закон твердо заявлял о суверенитете Великого Княжества Литовского и его территориальной неприкосновенности, регламентировал общественный и государственный строй, основные права и обязанности шляхты и других категорий населения, важнейшие принципы судоустройства и судопроизводства и многое другое. Юридически закрепляя независимость Великого Княжества Литовского от Польши, Статут не только подчеркивал независимость государства, но и обязывал государя сохранять неприкосновенность его территории и даже вернуть те земли, которые были отобраны у государства (ст.ст. 1,3, р.3). Повторяя статью Статута 1529 г., закон запрещал иностранцам (в первую очередь имелись в виду поляки) давать земли, должности, чины и звания (ст. 9, р.3).

Хотя положениями Статута 1566 г. закреплялся феодальный общественный строй, вместе с тем в нём содержались нормы, которые свидетельствовали о ростках нового буржуазного права. Так, провозглашая формальное равенство всех перед законом, подчеркивалось, что все поданные государства должны судиться "тым одним правом писаным" (ст.1, р.1). Конечно же, сам феодальный закон не мог быть равным для всех. Правовое положение шляхты кардинально отличалось от положения простых людей. Только шляхтич имел право занимать должности в государственном аппарате и суде, свободно покупать и продавать имения и владеть феодально-зависимыми крестьянами, без оплаты пошлины вывозить на продажу за границу выращенное на своих землях зерно и прочие культуры, активно участвовать в поветовых сеймиках и избираться депутатом сейма. Шляхте гарантировалась личная свобода, неприкосновенность имущества, освобождение от налогов и повинностей (за исключением воинской службы) и др.

В целом вся система органов государственной власти и управления строилась на общих принципах феодального права: закреплении неравенства среди различных социальных групп населения и разделении его на сословия, создание льгот и преимуществ сословию шляхты, ущемлении в правах простых людей, в том числе невозможности для них участвовать в управлении государством. Великому князю, как главе государства, принадлежали широкие права в области внутреннего управления и международных отношений. Он имел право вести международные переговоры, посылать и принимать послов, вступать в союзы, объявлять войну и заключать мир, считался руководителем всех высших исполнительно-хозяйственных органов, назначал и увольнял высших должностных лиц. Великий князь распоряжался вооруженными силами, государственной собственностью, доходами и казной. Он имел право законодательной инициативы и подписывал все наиболее важные государственно-правовые акты, осуществлял высший суд в государстве и др. Однако все эти полномочия он по-прежнему осуществлял не единолично, а с участием рады и сейма. Положения великого князя по Статуту 1566 г. было типичным для ограниченного феодального монарха. Однако имелись и определенные отличия, касающиеся выборности должности князя и ограниченности его прав в области законодательства и суда. Права великого князя основывались на выборном начале, на регламентации его деятельности

законом. Ограниченность власти монарха закреплялась в Статуте по-разному: в одних случаях это было выражено в форме клятвы и обещания сохранять определенные права (ст.2, р.1); ст.ст. 1, 2, 3, 4, 10, 11, р.3), а в других – в форме непосредственного запрещения. Так, князю запрещалось без разрешения сейма начинать войну или устанавливать налоги на военные нужды (ст.ст.2, 3, р.2), издавать законы, которые бы противоречили Статуту (ст.12, р.3). Существовал и ряд других ограничений, из которых следует, что власть великого князя еще более сузилась по сравнению со Статутом 1529 г.

В ограничении власти государя первоочередное значение имела рада, в состав которой входили католические епископы, воеводы, каштеляны, некоторые старосты, иные важные должностные лица государства и некоторые крупные феодалы в силу своей родовитости. Правовое положение рады было закреплено прежде в привилеях 1447, 1492, 1506 гг. и Статуте 1529 г., поэтому в Статуте 1566 г. паны рады упоминаются лишь в некоторых статьях (ст.27, р.1; ст.11, р.2; ст.38, р.4). Рада, которая являлась постоянно действующим исполнительно-распорядительным, законодательным, контрольным и судебным органом, свои властные полномочия осуществляла совместно с великим князем, а в его отсутствие – самостоятельно. Текущие дела в раде решали, как правило, старейшие паны, к которым относились виленский католический епископ, виленский воевода и каштелян, трокские воевода и каштелян, а также маршалок земский, гетман наивысший, канцлер, подскарбий. Эти высшие должностные лица по сути являлись министрами феодального государства. В отличие от Статута 1529 г., в регламентации деятельности указанных должностных лиц нормами нового закона явно обозначилась тенденция зарождение органов отраслевого управления. При решении наиболее важных вопросов рада собиралась в полном составе или созывала сеймы. Соответственно Статуту деятельность рады контролировалась великим князем и сеймом, что заставляло раду действовать с определенной осторожностью и чаще созывать сеймы с целью заручиться поддержкой всего сословия шляхты.

Структура и компетенция местных органов государственной власти и управления в Статуте 1566 г. не получила достаточно четкой регламентации. Возможно по той причине, что система местных органов, которая сложилась с давних времен, постепенно изменялась в связи с проводимой в государстве административно-территориальной реформой. Несмотря на появление нового территориального деления государства на воеводства и поветы, сохранялись княжества со своими органами управления, а также некоторые прежние административно-территориальные единицы.

В отличие от предыдущего Статута новый закон уделял значительное внимание сейму, в состав которого входили не только паны-рады, в том числе верхушка католического и православного духовенства, «урядники земские и дворные», но и по два депутата от шляхты каждого повета (ст.ст. 5, 6, р.3). Депутаты от поветовой шляхты получали указы-инструкции, которыми должны были руководствоваться на сейме. Компетенция сейма не регламентировалась законом должным образом. На нем могли решаться любые вопросы, которые выносились на обсуждение великим князем или радой. Однако имелись и дела, которые относились к исключительной компетенции

сейма: избрание великих князей, объявление мобилизации военных сил, сбор средств на ведение войны, заключение военных союзов, установление новых налогов, принятие наиболее важных законодательных актов, осуществление правосудия по некоторым тяжким или особо значимым преступлениям.

Вся работа сейма заранее готовилась панами-радой. Они назначали время и место созыва сейма, подготавливали проекты сеймовых постановлений. Представители от поветов могли на сейме подавать просьбы и жалобы от шляхты своих поветов, ответы на которые давал князь, посоветовавшись с панами-радой. Благодаря сейму, повышалась политическая активность всего шляхетского сословия, укреплялась идея единства государства, т.к. потребности населения отдельных местностей решались в центральных органах государственной власти. Сейм постепенно начал служить форумом острой политической борьбы шляхты, ограничивая власть великого князя и рады. Таким образом, деятельность сейма в Статуте 1566 г. получила более значительную регламентацию, что свидетельствовало о прогрессивных тенденциях в функционировании государственной власти и зарождении основ парламентаризма.

Нормы военного права, изложенные в Статуте 1566 г., были в основном перенесены из Статута 1529 г. Они дополнялись специальными постановлениями сеймов, которыми более подробно излагались права и обязанности гетмана, хорунжих и иных воинских должностных лиц, определялась уголовная ответственность за воинские преступления и др. В Статуте говорилось, что все подданные государства в случае необходимости должны «войну служыти и выправовати на службу военную» (ст. 1, р.2).

Развивая положения Бельской грамоты 1564 г., Статут 1566 г. наметил конкретные шаги по отделению судов от администрации и созданию независимой от исполнительной власти судебной власти. Согласно закону шляхта в каждом повете избирала по четыре кандидата на должности судьи, подсудка и писаря, а затем великий князь из этих кандидатов назначал пожизненно судью, подсудка, писаря в состав поветового земского суда (ст.1, р.4). В законе говорилось также об образовании суда по земельным спорам шляхты – подкоморского, рассмотрение дел в котором производилось единолично подкоморием. Образование этих судов свидетельствовало о важном этапе в проводимой на протяжении XVI в. судебной реформе²².

Переход к формированию основ буржуазного права проявился в нормах, которые закрепили право полной собственности феодалов на земельные владения. По Статуту 1529 г. владелец отцовского имения имел право свободно распоряжаться только одной третьей его частью, а две части можно было только передать в заставу (заклад) с тем, чтобы другие родственники могли их выкупить. Статут 1566 г. установил новое правило, согласно которому «вси от сего часу и дня волно и моцно кождому именья свои отчызные и земские материстые и выслужонные купленные и яким кольвек обычаем набытые и названные, не смотречи третее и двох частей, яко перед тым бывало в Статуте обычаем стародавным, але все с домом, хто их што маєть, быть тэж половицу або и которую их часть ... отдати продати даровати и записати заставити, от детей и близких отдалити, подле баченья своего тым

шафовати» (ст.1, р.7). Данными положениями закладывались основы права частной собственности на землю. Именно в связи с этим образовывался и подкоморский суд по земельным спорам.

Статут 1566 г. развил и дополнил статьи предыдущего Статута, направленные на охрану природы, поддержку и увеличение ее ресурсов и рациональное их использование. Природоохранные нормы свидетельствовали, что ценные породы животных и птиц, а также леса, пуши, реки и озера находятся под охраной закона. Виновные в нарушение природоохранных норм привлекались к ответственности. Эти нормы сыграли значительную роль в последующем сохранении окружающей среды, животного и растительного мира.

Уголовное право по Статуту 1566 г. соответствовало своему времени и одновременно отражало новые правовые идеи и прогрессивные тенденции. Например, закон устанавливал, что свободный человек ни за какое преступление не должен был терять свободу. Новым в уголовном праве стала статья, которой предусматривалось применение уголовного наказания только к лицам, достигшим 14 лет (ст.8, р.14). Впервые в Статуте была сделана попытка сформулировать понятие презумпции невиновности, однако это касалось только сословия шляхты. Регламентировалась более высокая ответственность за преступления, совершенные в отношении женщин. В целом закон внес ряд прогрессивных для своего времени дополнений, направленных на защиту жизни, свободы и достоинства людей.

Значительному изменению подверглись и процессуальные правоотношения. Образование выборных, независимых от администрации судов, привело к радикальным изменениям в правовой теории и общественных взглядах на суд и процессуальные правоотношения. Преобразование суда в орган охраны не только государственных интересов, но и частных (в том числе и от нарушений их со стороны государственных учреждений) свидетельствовало о первых шагах по пути создания независимой судебной власти. В контексте этого зарождалась независимая оценка доказательств при сохранении формализма в судебном процессе, утверждались принципы гласности судопроизводства, состязательности сторон с участием адвокатов. Статут был призван прежде всего защищать общегосударственные интересы, однако в нем проявилась тенденция ко все большей защите прав частных лиц. Об этом свидетельствует прежде всего увеличение количества норм, касающихся прав и обязанностей адвокатов. Говорилось, что в судебном процессе стороны имеют право пользоваться услугами профессиональных адвокатов (прокураторов).

В последующие десятилетия после принятия Статута 1566 года в Великом Княжестве Литовском произошли значительные социально-экономические и политические изменения, в том числе продолжились государственные реформы. Однако самым важным изменением было то, что Польша и Великое Княжество Литовское объединились в конфедерацию – Речь Посполитую, в связи с чем и возникла необходимость в изменении законодательства. Новая статутная комиссия была образована на Люблинском сейме 1569 г. Однако проект Статута готовился длительный период, поэтому в

составе комиссии происходили значительные изменения. И.И Лаппо отмечал, что на последнем этапе работа над Статутом перешла к поветовым сеймикам, что свидетельствует о значительной демократизации законотворческого процесса. Возглавили работу комиссии высококвалифицированные правоведы – канцлер государства А. Валович и подканцлер Л. Сапега. В 1584 году работа над Статутом была закончена, но поскольку новый закон игнорировал Люблинскую унию 1569 года, Польша не соглашалась утвердить новый Статут на общем сейме Речи Посполитой. Утверждение Статута произошло при необычных обстоятельствах. После смерти в 1586 г. короля и великого князя Стефана Батория кандидатами на трон Речи Посполитой стали русский царь Федор Иванович, которого поддерживала православная шляхта Беларуси и Украины и шведский королевич Жигимонт Ваза, за которым стояло католическое духовенство и значительная часть феодалов-католиков, а также австрийский эрцгерцог Максимилиан. Однако русский царь вскоре отказался от выдвижения своей кандидатуры и борьба развернулась между Жигимонтом Вазой и Максимилианом. Представители Великого Княжества первыми узнав о победе сторонников Жигимонта, предложили ему свою поддержку при условии одобрения Статута. Жигимонт Ваза, не зная еще о победе своих сторонников, утвердил новый свод законов привилеем от 28.01.1588 г.

Многие мыслители и государственные деятели были причастны к созданию Статута 1588 г., однако прежде всего ученые говорят о Николае Юрьевиче Радзивилле – образованнейшем человеку своего времени, горячо преданном интересам государства, Астафии Богдановиче Воловиче, накопившему за свою многолетнюю государственную службу огромный опыт, а также о Льве Ивановиче Сапеге, сыгравшем особую роль при подготовке этого закона. Некоторые даже называли «Великого Льва» творцом Статута²³. М.Шкелёнок писал: «Толькі тады, як справа гэта была даручана Льву Сапезе, – праз два гады, пайменна у 1588 г. Статут быў гатовы. Леў Сапега вельмі добра справіўся са сваім заданнем і ня толькі апрацаваў Статут, аде і выдаў яго уласным коштам і пад асабістым даглядам у 1588 г. у Вільні»²⁴.

В «Обращении ко всем сословиям», предваряющим текст Статута, нашли отражение взгляды Льва Сапегу на государство и право, которые сложились под влиянием учений мыслителей и государственных деятелей античности. Центральной категорией его философии права является категория свободы. Сапега подчеркивает: «чоловеку почтивому ничего не маеть быти дорожшого над вольность»²⁵. Сущность же свободы составляют неотъемлемые права человека - право личной неприкосновенности и право собственности. Именно с целью охраны гражданских прав и существует право. Сапега прямо говорит, что основной целью законов во всем мире является поддержание в обществе такого порядка, чтобы каждый мог сохранить в нерушимости свое доброе имя, здоровье, имущество и не претерпевать со стороны других лиц вреда: «... А естли ж човеку почтивому ничего нет мильшого над тое, гды во отчизне своей безпечне мешкаючы не боитсе, абы его хто на доброй славе его не змазати альбо на теле и на здоровью его образити альбо теж на власной маетности его укывдिति мог. Тогды то ничому иншому, одно праву

причитати маеть...бо тот цель и скуток усих прав ест и маеть быти на свете, абы кождый добрую славу свою, здоровье и маетность в целости мел, а на том всем жадного ущирбку не терпел”. Одновременно каждая личность, по его мнению, должна знать границы своей свободы, ибо, “Яко Цыцero поведил, иж естесмо невольниками прав для того, абысьмы вольности уживати могли....”²⁶.

Сапега считал, что закон должен быть одинаковым для всех сословий и главное его предназначение – защищать личность от посягательства со стороны всяких правонарушителей: «Тогды тот монштук або удило на погамованье кождого zufальцу есть вынайдено, абы се боячы права от кождого гвалту и збытку погамовал, а над слабшим и худшим не паствилсе и утискати его не мог, бо для того права суть постановлены, абы можному и потужному не все было вольно чынити»²⁷. В этих словах мыслителя содержится целый комплекс прогрессивных правовых положений и идей.

Сапега гордился своими законами, а также тем, что они были написаны на родном языке: “А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списанные маем и кождого часу, чого нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем.” Далее в “Обращении ко всем сословиям” Сапега отмечал, что закон не должен допустить использования государственной власти в корыстных целях правителя, что тирания несовместима с требованиями разума и справедливости. Он подчеркивал, что сам государь должен действовать в границах закона «одно только, колько ему право допускаеть». Из этих положений вытекает, что Сапега являлся сторонником правового государства. Его идеи получили отражение в нормах Статута 1588 г., одним из разработчиков которого он был. Сапеге принадлежит также заслуга в реформировании государственной власти и судебной системы Великого Княжества Литовского, в том числе и в образовании Главного суда (Трибунала) – одного из первых в Европе высших апелляционных судов.

Статут 1588 г. был сразу же издан в Виленской типографии, причем без принятых ранее общеземских грамот, так как, по мнению Льва Сапег, не все они были на пользу Великому Княжеству. В сравнении с предыдущими новый свод законов имел не только более значительный объем (488 статей, 14 разделов), но и более совершенную систему расположения правового материала. Законодатели на основе накопленного опыта и новых правовых идей и принципов усовершенствовали отечественную систему законодательства, создав еще более совершенный Свод законов, который, как отмечает С.Г.Дробязко, представляет собой высшую форму систематизации законодательства, основанную на инкорпорации, консолидации и кодификации, что является конечной целью правоустановления²⁸.

В основу систематизации были положены новые, характерные для буржуазных отношений правовые принципы: разделение властей; единство права для всего государства и всех полноправных людей; приоритет писаного права; государственный суверенитет, презумпция невиновности и др. Об этом прежде всего свидетельствует законодательно закрепленный принцип разделения властей – законодательная власть принадлежала сейму, исполнительная – великому князю и раде, судебная – новым, образованным в

результате судебной реформы судам. Конечно, в условиях феодального государства полного отделения судебной власти быть не могло. Новые суды создавались исключительно для шляхты. В целом признание различных льгот и привилегий для отдельных групп населения подрывало общий принцип единства права. Однако ученые отмечают, что весь Статут был пронизан идеей правового государства²⁹.

Статут являлся и своего рода конституцией, т.к. регламентировал вопросы государственного устройства, функционирования судебной власти, права различных категорий населения и иные важнейшие сферы государственной и общественной жизни. Он содержал важнейшие правовые принципы, основополагающие нормы, а также нормы, относящиеся ко всем отраслям права. Особо важным было закрепление в Статуте суверенитета Великого Княжества Литовского, не взирая на образование Речи Посполитой.

Теоретически более точно в Статуте 1588 года были изложены принципы ограничения власти государя, единства права на всей территории государства, и даже в определенной степени принцип верховенства закона. В Статуте мы видим много норм, которые говорят, что законодатель стремится во всех правоотношениях придерживаться принципа законности и справедливости. Неслучайно, в нем часто содержится обращение – «как к богатым, так и к бедным». Статут превосходил предыдущие законы шириной охвата правовой регламентацией большинства правоотношений. Первые три раздела в основном были посвящены вопросам конституционного права. В них были закреплены такие важные конституционные принципы как суверенитет государства, равенство свободных людей перед законом (хотя сам закон регламентировал феодальные правоотношения), право человека на собственность, охрану жизни и здоровья. Для шляхты предусматривалось право представительства в органах власти, свободного выезда за пределы государства и пр.

Нормы Статута обязывали должностных лиц, в том числе и самого великого князя, действовать в соответствии с законом, защищать интересы государства и народа. Именно в XVI в. не только обращается усиленное внимание на единство и независимость государства, но и начинает вырисовываться представление о едином гражданстве, т.к. под термином «Литва» понималось все государство, а под названием «литвин» – его гражданин. Статут декларирует, что права даются всем лицам «...так латынскаго закону, яко и греческого». В нем нашли свое отражение идеи веротерпимости. Так, должностным лицам предписывалось обеспечивать спокойствие всех жителей государства, независимо от того, какого учения они придерживались в вероисповедании. Сам великий князь обязывался «покой посполитый межы розорванными и розными людьми в вере и набоженстве заховывать» (ст.3, р.3). В условиях наличия в обществе разных религиозных воззрений законодательное закрепление таких положений было весьма важным.

Многие статьи Статута свидетельствуют о его гуманистической направленности. Законодатель отрицательно относится к невольному состоянию человека, поэтому статутными нормами запрещает отдавать в неволю свободных людей, заменяет название «челядь невольная» на «челядь

дворовую» и др. Особенно ярко гуманизм Статута проявляется в статьях, направленных на охрану прав женщин. Закон декларирует право женщин по своей воле выходить замуж, владеть имуществом, запрещает беременную женщину присуждать к смертной казни, защищает ее жизнь двойной головщиной и даже вмешивается в привилегию церкви на развод (р.5).

Как и предыдущие законы, Статут 1588 г. был одним из первых европейских законов, направленных на охрану природы. Он закрепил порядок пользования земельными и лесными угодьями, регламентировал вопросы охоты, рыболовства, бортничества, в определенной степени охранял флору и фауну. Например, за уничтожение соколиного гнезда взыскивался значительный штраф – шесть рублей грошей, лебединого гнезда – три рубля и т.д. (р.10).

Продолжая наметившуюся в предыдущих законах тенденцию, Статут 1588 г. существенно ограничивает власть великого князя, который по-прежнему является высшим должностным лицом Великого Княжества Литовского, однако в связи с Люблинской унией 1569 г. одновременно и королем Речи Посполитой. Кроме этих титулов, государь получал титулы по названию земель, которыми он владел. Так, Жигимонт III Ваза имел титулы великого князя литовского, русского, прусского, жамойтского, мазовецкого, лифляндского, наследного господаря и короля шведского, готского, вандальского, великого княжича финляндского и др. Хотя закон неоднократно подчеркивает главенствующее положение великого князя и его широкие полномочия, реальная его власть была невелика. Все полномочия монарха аналогичны закрепленным Статутом 1566 г. Точно также перечислены вопросы, которые великий князь должен был принимать совместно с радой или сеймом (ст.2, р.1; ст. 1, 2, 4, 5, 12, 13, р.3). Главная роль в ограничении власти господаря принадлежала раде, хотя, как и предыдущий Статут 1566 г., новый закон точно не определил компетенцию этого органа. Фактически рада могла решать любой вопрос внешней и внутренней жизни государства, однако главное ее назначение состояло в охране прав магнатов от посягательств со стороны государя и руководстве в его отсутствие всеми центральными органами, а также в защите территориальной неприкосновенности государства.

Значительно ограничивал власть монарха и сейм, который собирался с целью решения наиболее важных государственных дел. Порядок созыва поветовых сеймов и общего (вального) сейма законодательно закреплен был Статутом 1566 г. В новом своде законов эти нормы получили свое развитие (ст.ст.6, 7, 8, 9, р.3). Созывались сеймы по мере надобности великим князем, панам–радой или по просьбам шляхты. К компетенции сейма относились вопросы избрания великого князя, обсуждения условий международных договоров, введение новых и изменение старых налогов и повинностей, установление таможенных пошлин, принятие нового и изменение действующего законодательства, рассмотрение отдельных уголовных дел, затрагивающих интересы государства, государя или знатных особ. После Люблинской унии 1569 г. перед каждым сеймом Речи Посполитой в Слониме созывался сейм Великого Княжества Литовского (ст.8, р.3).

В целом в Статуте 1588 г. продолжилась тенденция упорядочения деятельности органов государственной власти. Однако структура и

компетенция местных органов государственной власти не получила в нем достаточно четкой регламентации, за исключением поветовых и воеводских сеймиков – сословно-представительных органов шляхты, посредством которых она отстаивала свои интересы перед центральными органами и участвовала в политической жизни государства.

Значительно усовершенствованы были в Статуте нормы, касающиеся воинской обязанности. Закон регламентировал вопросы относительно порядка формирования войска, сбора ополчения, правового положения гетмана, ответственности военнослужащих за преступления и т.д. Хотя основная военная повинность ложилась на шляхетское сословие, во время всеобщего "рушения" она распространялась на все мужское население государства, независимо от вероисповедания (исключение составляли евреи, которые только в случае принятия католицизма обязывались участвовать в обороне).

Статут 1588 г. фактически завершил проводимую на протяжении всего XVI в. прогрессивную судебную реформу. Значительное ограничение судебной власти великого князя и панов рады произошло в 1581 г., когда был издан закон об образовании Главного суда (Трибунала), положения которого вошли в текст Статута. Существование его (аналогичный суд действовал в Польше) свидетельствовало о самостоятельности Великого Княжества Литовского, несмотря на заключение Люблинской унии 1569 г. Суд состоял из судей-депутатов, которые ежегодно избирались на поветовых сеймиках (по два судьи от каждого повета). На Трибунал возлагалась задача апелляционного рассмотрения дел, хотя часто он рассматривал наиболее важные дела по первой инстанции. Отдельную категорию дел составляли жалобы на незаконные действия и злоупотребления местных должностных лиц и судей. Трибунал выполнял и нотариальные действия. Декреты Трибунала принимались большинством голосов, были окончательными и обжалованию не подлежали.

Создание выборных судов открывало новую страницу в развитии правовой культуры общества, свидетельствовало о стремлении к постепенному установлению элементов правового государства. Следует отметить, что наиболее слабым местом в феодальном судопроизводстве было исполнение судебных решений, которое, как правило, возлагалось на сторону, выигравшую процесс. Хотя закон предписывал органам местной власти помогать в исполнении судебных решений, на деле оказывалось, что истец, исчерпав все возможности, часто вынужден был идти на компромисс с более богатым ответчиком, принимая его условия.

Анализ норм процессуального права, изложенных в Статуте 1588 г., показывает, что по теоретической разработке они стали более развитыми и регулировали все основные действия суда и участников процесса. В связи с судебной реформой в деятельности судебных органов все более проявляются такие прогрессивные принципы как презумпция невиновности, устность, гласность, состязательность судебного процесса с участием адвоката и др. Конечно же, в условиях феодального государства эти принципы в значительной степени только декларировались и реально проявляли себя относительно сословия шляхты. Однако законодатель все более стремился защищать права всех людей, указывая об этом в статьях: «как высшего стану, так и низшего»,

«как богатых, так и бедных». Об этом свидетельствует и значительное дополнение норм, регламентирующих деятельность адвокатуры. Например, говорилось, что вдовам, сиротам и бедным людям адвокаты должны назначаться бесплатно.

Значительное теоретическое развитие в Статуте получили нормы уголовного права, в которых также нашла отражение идея гуманизма. Увеличивался возраст уголовной ответственности с 14 до 16 лет (ст.11, р. 14). Психически больные лица не подлежали уголовному наказанию, хотя и должны были находиться под семейным надзором. Интересно, что в некоторых случаях освобождались от ответственности и лица, совершившие преступления «по глупости». Так, могли быть освобождены от наказания лица, обвиненные в распространении порочащих, ложных сведений в отношении великого князя, «если бы кто з глупства або шаленства в том выступил» (ст.4, р. 1). В Статуте проводится разграничение между виной умышленной и неосторожной. Если же в действиях лица не было умысла или неосторожности, то не применялось и уголовное наказание (ст.15, р.11). Закон значительно развил принцип презумпции невиновности, распространив его на простых людей (ст.3, р. 14). Он установил смертную казнь шляхтича за убийство простого человека. Необходимая оборона и крайняя необходимость по Статуту выступали обстоятельствами, освобождающими от уголовной ответственности (ст.ст. 22, 24, р. 2). Несмотря на жестокость наказаний, предусмотренных Статутом, они, по сравнению с наказаниями, существовавшими в иных европейских государствах того времени были более гуманными. Это проявилось в неприменении смертной казни к беременным женщинам, освобождении от уголовного наказания детей и подростков, более высокой ответственности за преступления против женщин, относительно недолгих сроках тюремного заключения. Эти положения Статута выводили его на уровень самых прогрессивных законов того времени.

Прогрессивные тенденции наметились и в семейных правоотношениях, хотя в целом личные взаимоотношения супругов в семье строились в зависимости от их происхождения и имущественного положения. Признание в законе имущественных прав женщин, а также равные права супругов в отношении детей обеспечивали женщине определенную свободу в осуществлении ее обязанностей как хозяйки в доме, а не как рабыни или служанки мужа. Правомочия мужа более всего проявлялись в тех случаях, когда он обязан был выполнять различную государственную службу. Считалось, что муж является законным представителем всей семьи во всех государственных и судебных учреждениях. Однако на практике встречались случаи, когда женщины самостоятельно выступали в судах и заключали сделки.

Прогрессивные положения Статута 1588 г., который являлся действующим законом почти до середины XIX в., значительно повлияли на всё последующее законодательство, нашли отражение в Конституции Речи Посполитой 1791 года. Даже через 200 лет после издания он считался одним из наиболее совершенных законов Европы, о чем прямо говорил на сейме 1791 г. известный политический деятель Гуго Калантай. Польские историки права (Ю.Бардах, Т.Островский и др.) отмечают, что в XVII–XVIII вв. в польских

судах пользовались Статутом 1588 г. как дополнительным источником права. Он использовался в качестве одного из источников права при подготовке Соборного уложения 1649 г. в Московском государстве, что засвидетельствовал российский ученый М.Владимирский-Буданов.

Статуты 1529, 1566, 1588 гг. переводились на латинский, польский, русский, немецкий и другие языки, служили образцом при систематизации законодательства. В них нашла отражение отечественная прогрессивная политико-правовая мысль и богатая правовая культура белорусского народа. Государственных деятели и мыслители Великого Княжества Литовского внесли существенный вклад не только в создание этих знаменитых сводов законов, но и в развитие теоретических воззрений о государстве и права, в том числе в становление теории правового государства.

¹ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. I. Западная Русь и Литовско-русское государство / А.Е. Пресняков. – М., 1939. – С. 7

² Гл.: Юхо Я.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1991. – 236 с.; Доўнар Т.І. . Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск: Пропілеі, 2000. – 224 с.

³ Bardach, J. Statuty litewskie a prawo rzymskie / J. Bardach. – Warszawa: Centre for Studies on the Classical Tradition in Poland and East-Central Europe: Uniwers. Warszawski, 1999. — S. 14; Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-исторического, политического и культурного развития) / В.И. Пичета – М., 1961. – С. 507.

⁴ Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-исторического, политического и культурного развития) / В.И. Пичета – М., 1961. – С. 507-508.

⁵ Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М: Университетская типография, 1900. – С.227.

⁶ Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі.- Мінск, 1969.- С. 115.

⁷ Францыск Скарына і яго час: Энцыкл. Давед. – Мінск: БелСЭ. 1988. – С.337.

⁸ Шалькевіч В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі.:Навуч.дапам / В.Ф. Шалькевіч. – Мінск, 1999. – С.67.

⁹ Pirmasis Lietuvos Statusas - Первый Литовский Статут. – Vilnifus. V.: Mintis, 1983. – S.12.

¹⁰ Czacki T. O Litewskich i Polskich prawach, o ich duchu, zrodach, zwiazku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydaniem / T Czacki. T. 1. – Krakow, 1861. – S.54.

¹¹ Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-исторического, политического и культурного развития) / В.И. Пичета – М., 1961. – С. 506,511.

¹² Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – С.173.

¹³ Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – С.31.

¹⁴ Шумаков С.А. Источники и уголовное право Литовского Статута / С.А. Шумаков // Сборник правоведения и общественных знаний. Т.6. – СПб, 1896. – С. 123.

¹⁵ Литовская Метрика (1528-1547). 6-я кн. судных дел. - Вильнюс, 1995. - №№ 20, 47, 187, 207, 218.

¹⁶ Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточно-славянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в.- М.: Изд-во Московского университет, 1990.- С. 1-42.

¹⁷ Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве.- Вильнюс: Минтис, 1970. – С.82-83.

¹⁸ Волян А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе. Пераклад з лацінскай Ул. Шатона / А. Волян – Мінск: выдавец Зміцер Колас, 2009. – С. 128.

¹⁹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – С.38-39.

²⁰ Там же. – С.42.

²¹ Там же. – С.47.

²² См.: Доўнар Ю.П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім / Ю.П. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2007. – 175 с.

²³ Ptaszycki, S. Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie / S. Ptaszycki. – Lwow: Ossolineum, 1925. — S. 5.

²⁴ Шкалёнак М. У трохсотыя ўгодкі смерці вялікага канцлера Льва Сапегі / М. Шкалёнак – Вільня, 1933. – С.9.

²⁵ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – С.47.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права: Учеб. Пособие для вузов / С.Г.Дробязко, В.С.Козлов. – Минск: Амалфея, 2005. – С. 244.

²⁹ Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – С.173.